

Чернов Дмитрий

**796 ударов в
минуту. Серый
Пепел**

796 ударов в минуту

Чернов Дмитрий

796 ударов в минуту. Серый Пепел

«Автор»

2026

Дмитрий Ч.

796 ударов в минуту. Серый Пепел / Ч. Дмитрий — «Автор»,
2026 — (796 ударов в минуту)

В чёрно-белом городе, где воображение можно купить и отобрать, шахтёр Оливер Кейн находит отцовскую печатную машинку — единственную, способную достичь частоты 796 ударов в минуту. Дар, который делает его опасным. Правление, которое это знает. И выбор: остаться невидимым — или дать городу впервые увидеть цвет.

© Дмитрий Ч., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Вечерний Лязг	5
ГЛАВА 2. Цена Тонера	8
ГЛАВА 3. Заброшенный Парк	12
ГЛАВА 4. Призрачная Семья	15
ГЛАВА 5. Обвал	18
ГЛАВА 6. Первый Прорыв	22
ГЛАВА 7. Предательство	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Чернов Дмитрий

796 ударов в минуту. Серый Пепел

ГЛАВА 1. Вечерний Лязг

Сигнал прозвучал ровно в восемнадцать ноль-ноль.

Оливер Кейн стоял у окна своей каморки на четвёртом этаже и смотрел, как Город замирает. Вой сирены впивался в уши, как раскалённая спица — не физически, а глубже, куда-то в основание черепа, туда, где у нормальных людей живёт страх. Он уже привык. Все привыкли. Но привычка не убивала боль, она просто превращала её в фоновый шум, такой же постоянный, как гул паровых генераторов под землёй.

По всему фасаду Акрополя, одного за другим, с грохотом захлопывались стальные шторы. Глухой, металлический лязг эхом отражался в узких улочках Шахтерска, будто великан запирает на ночь свои несметные сокровища. Оливер знал, что за этими шторами — пустота. Он был там однажды, десять лет назад, когда отец взял его с собой на «экскурсию». Акрополь был мёртв внутри. Только коридоры, только двери, только таблички с надписями, которые ничего не значили. Декорации. Город был декорацией.

Внизу, по пустынной мостовой, вымощенной брусчаткой цвета пепла, проплыл кортеж. Первым шёл автомобиль с затемнёнными стёклами — длинный, чёрный, похожий на катафалк. За ним — два фургона службы охраны, из которых на ходу выскакивали люди в одинаковых серых шинелях и намертво задраивали последние, случайно распахнутые створки магазинов и подъездов.

Никто не должен был видеть Лицо. Никто.

Оливер проводил кортеж взглядом до самого поворота, где машины скрылись за углом Акрополя. Там, за углом, был въезд в подземный гараж, а оттуда — лифт, ведущий прямо в недра Инженерного Корпуса. Оливер никогда не был там, но отец рассказывал. «Сердце Города», — называл он это место. Тогда Оливер думал, что отец говорит метафорой. Теперь он не был уверен.

Он отошёл от окна.

Комната была маленькой, почти клетушкой — двенадцать шагов от двери до стены, если идти по диагонали. Голые стены, выкрашенные в казённый серый цвет. Железная кровать, застеленная тощим матрасом. Стол. Стул. Тумбочка. На тумбочке — кружка с отбитой ручкой. В углу — роба, промасленная, пропотевшая, пахнувшая шахтой даже после стирки.

И на подоконнике — печатная машинка «Ундервуд».

Оливер подошёл к ней, провёл пальцами по холодным клавишам. Они были похожи на зубы древнего существа — шершавые, тёплые от вечернего солнца (если то, что пробивалось сквозь смог, можно было назвать солнцем). Единственное наследство от отца. Единственное, что отец успел передать ему перед тем, как исчезнуть.

«Когда я умру, — сказал отец за месяц до исчезновения, — ты не хорони меня. Ты возьмишь эту машинку и будешь печатать. Понял?»

Оливер не понял тогда. Он думал, отец шутит. Или бредит. Лео Кейн был странным человеком — инженером с душой поэта, что в Городе было диагнозом, а не достоинством. Он показывал Оливеру океан. Настоящий океан, которого никогда не видел. Он показывал ему леса, в которых никогда не был. Он говорил о звёздах, скрытых слоем смога, как о старых друзьях.

«Ты будешь Воображателем, сын, — сказал он однажды. — Я знаю. Это в крови.»

Тогда Оливер испугался. Воображение было под запретом. Параграф девятый Кодекса Комитета гласил: «Неконтролируемая мысль есть угроза стабильности. Образы, не санкционированные Советом, суть преступление против общества». За первое нарушение — трудовые лагеря. За повторное — исчезновение.

Отец исчез. Не за повторное нарушение — за то, что отказался создавать «нужные» образы. Официальная версия: несчастный случай при обслуживании паровых магистралей. Оливер не верил ни одному слову. Слишком правильная смерть. Слишком удобная.

Он отогнал воспоминания.

Внизу, на площади, уже зажётся гигантский экран Постамента. Официальный диктор в строгом костюме читал вечерние новости. Его голос был ровным и безэмоциональным — таким, каким его запрограммировали. Проекция за его спиной сменяли друг друга: графики добычи тонера, отчёты о «добровольной» сдаче нелегальных машинок, портреты «врагов Города», которых никто никогда не видел вживую.

Оливер видел, как у диктора слегка дрожали руки. Скоро его заменят. Таков был закон — никто не мог оставаться у власти вечно. Даже дикторы. Даже проекции.

Он отвернулся от окна и сел на кровать.

Его руки были покрыты слоем угольной пыли, которая не смывалась даже после самого тщательного мытья. Она въелась в поры, в ногти, в линии судьбы, которые когда-то — в другой жизни — читала ему мать. Он работал в шахтах, добывая тонер — чёрную, маслянистую субстанцию, которая питала весь Город. Без неё «Ундервуд» был бы просто куском металла. Без неё Постамент погас бы. Без неё Корректоры не могли бы создавать свои лживые образы.

Тонер был кровью Города. А Оливер был одним из тех, кто добывал эту кровь, метр за метром вгрызаясь в каменное нутро Земли.

Завтра смена начиналась в шесть утра. Он должен был спать. Но сон не шёл.

Он снова подошёл к окну.

Внизу, на пустынной улице, горели редкие фонари — тусклые, жёлтые, чадающие маслом. Их свет выхватывал из темноты мокрый асфальт (только что проехала поливальная машина — единственная, кто работал по ночам), ржавые решётки ливнёвок и чью-то тень, скользнувшую за угол.

Оливер замер.

Тень была слишком быстрой для случайного прохожего. Слишком низкой. Слишком целенаправленной.

Он отступил от окна, задернул штору. Плотную, старую, из грубой ткани, которую повесил ещё отец. «Никогда не стой у окна, когда не нужно, — учил Лео. — У них есть снайперы. И у них есть приказ стрелять без предупреждения».

Оливер никогда не проверял, правда ли это. Ему хватало веры.

Он лёг на кровать, не раздеваясь. Закрыв глаза.

Перед внутренним взором встали образы — те, которые он прятал глубоко внутри, как прячут запрещённую книгу под половицей. Анна. Дочь. Стол с дымящимся супом. Идиллия, которой никогда не было.

Он не плакал. Он давно разучился.

Вместо этого он тихо, одними пальцами, простучал на воображаемой клавиатуре ритм. Не быстрый, не медленный. Тот самый, который отец называл «пульсом жизни». 72 удара в минуту. Частота покоя.

Под этот ритм он и уснул — в грязной одежде, на тощем матрасе, в комнате, где единственным сокровищем была старая печатная машинка на подоконнике.

За окном продолжал гореть Постамент. Диктор с дрожащими руками читал новости о великих победах и неизбежном будущем.

Город спал.

Или делал вид.

ГЛАВА 2. Цена Тонера

Шесть часов утра. Сирена прорвала ночную вату тишины не пронзительным воем, а густым, похожим на кашель, ревом. Метрополис просыпался, и его пробуждение было тяжёлым, как подъём из могилы. Света не было — был лишь переход от густой черноты к густому серому рассвету, который медленно просачивался сквозь одеяло смога, не озаряя, а лишь обозначая контуры унылого мира. Багровые огни аварийных систем отражались в лужах мазута, окрашивая Шахтерск в цвета старой ржавчины.

Оливер не слышал сирены. Он проснулся за минуту до неё — привычка, выработанная годами. Организм знал: если не встать самому, поднимут насильно. И второе было хуже.

Он умылся ледяной водой из-под крана (горячую давали только по графику, и утренний график был для стариков и больных — он не подходил ни под ту, ни под другую категорию). Натянул рабочую робу — грубую, пропахшую мазутом, с заплатками на коленях и локтях. Проверил карманы. В левом — ломоть хлеба, завёрнутый в тряпицу. В правом — пустой картридж для тонера.

Пустой картридж был его тайной. И его преступлением.

Он спустился по лестнице — лифт в их доме не работал уже три года, и никто не собирался его чинить. На площадке второго этажа ему встретилась соседка, старуха с лицом, похожим на печёное яблоко. Она посмотрела на него мутными глазами и перекрестилась. Не потому, что боялась — потому, что крестила всех подряд, как заклинание от всех бед. Оливер кивнул. Она не ответила.

На улице его уже ждал поток. Сотни таких же, как он, закутанных в промасленные, пропотевшие робы, молча двигались по улицам, подчиняясь невидимому магнитному полю. Они были серой кровью, что медленно пульсировала в каменных жилах города, стекая к его промышленному сердцу — шахте «Циклоп».

Гигантский бетонный кратер зиял в теле района, как незаживающая язва. Из его жерла вырывались клубы пара, перемешанные с угольной пылью и озоном. Низкое гудение вентиляторов напоминало предсмертный хрип — монотонный, бесконечный, усыпляющий. Оливер знал, что, когда вентиляторы замолчат, это будет означать только одно: смерть. Не его — шахты. А без шахты не было бы работы. А без работы не было бы картриджа. А без картриджа не было бы Анны.

Он шагнул в клеть.

Клеть, пожирающая рабочих, была старым, изношенным зверем. Её прутья дрожали, тросы скрежетали, выдираясь из застывшей смазки. Когда дверь с лязгом захлопнулась, Оливер прислонился спиной к холодной, липкой от влаги стенке. Квадрат неба над головой стремительно уменьшался, превратившись в почтовую марку, затем в булавочный укол света — пока его окончательно не поглотила тьма.

Его окружал оглушительный грохот моторов, скрежет железа по железу и тяжёлое, сопящее дыхание десятков людей. Спуск в преисподнюю занимал ровно три минуты. Три минуты, чтобы попрощаться с тем, что кто-то мог назвать жизнью.

Оливер не прощался. Он готовился.

Шахта не была просто туннелем. Это был подземный мегаполис, лабиринт штреков и забоев, где тьма была не отсутствием света, а самостоятельной, плотной субстанцией, которая давила на глаза, на уши, на самую душу. Свет их шлемов — слабый, жёлтый, дрожащий — выхватывал из мрака лишь крошечные фрагменты реальности: блестящие чёрные прожилки в стенах.

«Сны Земли». Кристаллические образования, пульсирующие сырым тонером.

Воздух был густым, как кисель, насыщенным мелкой, маслянистой пылью, которая вьедалась в поры, застилала глаза и скрипела на зубах. Оливер дышал через раз — глубокий вдох, задержка, короткий выдох. Так учил отец. «Пыль убивает медленно, — говорил Лео. — Но верно. Не торопи её».

Его напарник, Марк, уже работал у дальнего забоя.

Марк был старым шахтёром — лет под пятьдесят, хотя выглядел на все семьдесят. Его лицо напоминало карту разочарований: все морщины и шрамы вели в никуда. Он работал отбойным молотком, и его движения были до жути выверенными, лишёнными любого излишества. Каждый удар экономил каплю сил, продлевая агонию ещё на один день.

— Эй, молчун, не зевай! — его хриплый голос прорвал грохот, как тупой нож. — Подпорку давай, пока меня здесь не завалило!

Оливер молча подставил деревянную балку под потолок, ощущая вибрацию от молотка в костях. Марк был болтлив — говорил без остановки, будто боялся, что если замолчит, то тьма поглотит его целиком. Он рассказывал о жене, которая пилила его за маленькую зарплату. О дочери, которую устроил в сортировочный цех («хорошая работа, чистая, не то что наша»). О том, как в молодости хотел стать Воображателем, но «вовремя одумался».

— Воображение — это роскошь, парень, — сказал он, вытирая пот с лица грязной тряпкой. — Мы, шахтёры, не можем себе позволить роскошь. Мы добываем тонер для тех, кто может. А сами — он махнул рукой в темноту. — Сами мы тени.

Оливер не ответил. Он думал об отце. О том, как Лео тоже когда-то работал в этой шахте — инженером, а не простым забойщиком. О том, как он ушёл отсюда в Тепловое Управление. О том, как исчез.

Марк, будто прочитав его мысли, ткнул молотком в крупный кристалл.

— Вот, полюбуйся.

При свете фонаря кристалл на мгновение ожил, показав призрачный, полупрозрачный образ: поле пшеницы под ветром. Живое, дышащее, настоящее — на долю секунды, пока тонер не застыл снова.

— «Сны Земли», — сказал Марк, и в его голосе впервые прозвучало нечто похожее на благоговение. — Красота, да? А через час это будет пыль в картридже какого-нибудь стукача-цензора. Забавно, а?

— Забавно, — глухо повторил Оливер.

Он смотрел на кристалл и думал о том, что отец когда-то сказал ему: «Это — незавершённые мысли планеты. Её забытые сны. А мы, сын, мы добываем их, как руду. Чтобы кормить машину, которая уничтожила саму возможность мечтать».

Тогда Оливер не понял. Теперь понял слишком хорошо.

Перерыв был через четыре часа.

Оливер дождался, когда Марк уйдёт в дальний тоннель по нужде, и скользнул в уборную — тесную, вонючую кабинку, где запах мочи вступал в химическую реакцию с запахом дезинфектанта. Здесь, в этом аду из бетона и ржавчины, он совершал свой ежедневный ритуал предательства.

Он достал из потайного кармана в подошве сапога пустой картридж. Затем — заточенный осколок породы, который носил с собой как реликвию.

Его пальцы, несмотря на дрожь от усталости, двигались с ювелирной точностью. Он уже знал, где искать. Вчера, возвращаясь с забоя, он заметил жилу — особенно чистую, особенно яркую. «Сны» там были крупными, почти прозрачными, с глубокими, насыщенными образами внутри. Он нашёл её снова.

Один точный, резкий удар — и мерцающий осколок оказался в его ладони. Холодный. Живой. Пульсирующий.

Он вставил его в картридж. Серый тонер. Сырец. Топливо для его личного, жалкого побега.

В этот момент за его спиной раздался скрип.

Оливер замер, сжимая в кулаке драгоценный кристалл, прижимая его к груди, как талисман. Сердце колотилось где-то в горле. Он медленно повернул голову.

В проёме стоял Марк.

Его глаза, выцветшие от вечной темноты, смотрели на Оливера без удивления. В них плавал тяжёлый, почти отеческий укор. И неподдельный страх.

Они молчали несколько секунд. Они растянулись в вечность.

— Глупость, парень, — наконец прохрипел Марк. Его голос был шепотом заупокойной молитвы. — Чистейшая, беспросветная глупость.

Он развернулся и ушёл, тяжело ступая по гравию.

Оливер остался один, с бешено колотящимся сердцем и картриджем, который жёг ладонь. Марк не сдал его. Пока нет.

Но «пока нет» не означало «никогда».

Обратный путь в клетки был похож на воскрешение.

Оливер чувствовал вес картриджа в кармане, будто это была не крошечная капсула, а ядро раскалённого свинца. Он смотрел на затылки других шахтёров, на их согнутые, обречённые спины. Они были живыми трупами, возвращающимися с той стороны. Он был одним из них.

И всё же в его кармане теплилась искра. Искра того, что когда-то называли душой.

Он думал об отце. Об Анне. О дочери, которой не существовало. О том, что, если его поймут, его «сотрут». Не убьют — хуже. Сотрут личность, превратят в пустую оболочку, которая будет работать на шахте до тех пор, пока не рассыплется.

Но если он не украдёт тонер — Анна умрёт. Не по-настоящему (она и так была мертва), а в его памяти. А без памяти он тоже был мёртв. Просто не знал этого.

Клеть остановилась. Двери открылись.

Оливер шагнул в серый, чадающий сумрак вечернего Шахтерска и пошёл домой, неся в кармане свою тайну, свою надежду и свой приговор.

Дома он снова стоял под ледяными струями душа, которые не смывали, а лишь размазывали грязь по телу. Боль в мышцах была привычной — ноющей, тупой, фоновой. Она не исчезала никогда, просто иногда становилась тише, чтобы через минуту вернуться с новой силой.

Он закрыл глаза.

Отец, — мысль прорвалась сквозь усталость, как крик в пустоте. Что они с тобой сделали? Ты показывал мне океаны, сотканые из звёздной пыли, и леса, что росли из тишины. Ты говорил, что границы — лишь иллюзия, что настоящий мир скрыт за пеленой привычного, стоит лишь посмотреть под нужным углом. А теперь твой сын крадёт, как падальщик, и ворует осколки чужих снов, чтобы слепить из них призраков в своей конуре. Ты боролся с системой в открытую. А я лишь прячусь от неё в сумерках собственного вымысла. Скажи, чей путь был благороднее? И чей — безнадежнее?

Ответа не было. Был только шум воды и далёкий гул генераторов.

Он выключил душ, вытерся жёстким, драным полотенцем и вышел в комнату.

«Ундервуд» стоял на подоконнике, холодный, молчаливый, терпеливый. Оливер сел за стол, достал картридж, вставил его в машинку. Клавиши чуть заметно засветились — слабым серым свечением, едва различимым в полутьме.

Он не начал печатать сразу. Сначала он закрыл глаза и вспомнил.

Анна. Её улыбку. Её привычку наклонять голову влево, когда она говорила его имя. Её голос — низкий, чуть хрипловатый, как у курящих женщин, хотя она никогда не курила.

Дочь. Смешные хвостики. Веснушки на носу. Вопросы, на которые у него никогда не было ответов.

Стол. Суп. Запах хлеба и домашнего тепла.

Он открыл глаза и начал печатать.

ГЛАВА 3. Заброшенный Парк

Часом позже Оливер уже шёл по тёмным, извилистым переулкам Шахтерска, прижимая к груди старый рюкзак, в котором лежал «Ундервуд». Рюкзак был отцовским — кожаным, потёртым, с пряжкой, которая вечно расстёгивалась в самый неподходящий момент. Оливер носил его как амулет. Как напоминание о том, кем он должен был стать.

Заброшенный Парк находился на северо-западной окраине района, там, где Город медленно умирал естественной смертью — без взрывов, без драм, просто потому, что Комитету стало невыгодно поддерживать эту территорию. Ржавые качели торчали из земли, как кости вымершего животного. Фонтан, не работавший десятилетиями, был завален битым стеклом и окалиной. Деревья — те немногие, что ещё росли здесь, — стояли голыми, чёрными, обугленными, будто кто-то прошёлся по ним паяльной лампой.

Но именно здесь, в этом царстве запустения, Оливер чувствовал себя живым.

Он пришёл за час до «выступления». Достал машинку из рюкзака, поставил на старый ящик из-под снарядов — свою импровизированную сцену. Проверил картридж. Тонера было меньше половины — хватит на десять, от силы пятнадцать минут проекции. Потом придётся сворачиваться, пока кто-нибудь не заметил, что он использует краденое.

Зрители начали собираться за полчаса до начала. Они приходили поодиночке, редко — парами, крадучись, оглядываясь через плечо. Оливер знал их всех в лицо, хотя никогда не спрашивал имён. Это были «Молчаливые» — люди, уставшие от официальных проекций Постамент, от лжи, которая лилась с экранов под аккомпанемент бодрых маршей. Они приходили сюда, чтобы увидеть правду. Или хотя бы её подобие.

Сегодня их было семеро. Мужчина в потрёпанном пальто, с лицом учителя, уволенного за «неблагонадёжность». Женщина с ребёнком на руках — девочка спала, уткнувшись носом в материнское плечо. Парень с горящими глазами, который всегда стоял в первом ряду и сжимал кулаки так, что костяшки белели. Старик с тростью, который никогда ничего не говорил, но всегда кивал в конце.

— Начинай, Кейн, — сказал парень с горящими глазами. — Мы готовы.

Оливер кивнул.

Он сел на перевёрнутый ящик, положил пальцы на клавиши. На секунду замер, прислушиваясь к себе. Сердце билось ровно — 72 удара в минуту. Частота покоя. Но внутри уже зрело другое, более быстрое, более опасное.

Он начал печатать.

Клавиши застучали, выбивая ритм его сердца. Из машинки выползла чёрно-белая дымка — тонер испарялся, превращаясь в проекцию, послушную ударам клавиш. Дымка медленно собиралась в образ.

Маленькая девочка, запускающая бумажного змея.

Змей был слеплен из газетных заголовков — тех самых, что печатал Постамент. «Рекорд добычи тонера», «Новая победа над врагами», «Счастливое будущее под защитой Комитета». Но небо, в которое взмывал змей, было другим. Оно было соткано из переплетения проводов, труб и чёрных, закопчённых облаков — настоящим небом Города, каким его видели каждый день.

Проекция была бледной, дрожащей, неустойчивой — Оливер всё ещё не научился контролировать подачу тонера, и образ то распадался на пиксели, то собирался вновь. Но в ней была странная, щемящая правда, которой не было в официальных трансляциях.

Девочка смеялась. Змей взлетал всё выше. Провода под ним раскачивались, как ветки деревьев.

Зрители смотрели, затаив дыхание.

Учитель в потрёпанном пальто вытер глаза. Женщина с ребёнком улыбнулась — впервые за вечер. Парень с горящими глазами разжал кулаки. Старик с тростью медленно кивнул, и в его мутных глазах блеснуло что-то похожее на слёзы.

В эти минуты Оливер не был шахтёром. Не был вором. Не был преступником.

Он был волшебником.

Проекция длилась ровно двенадцать минут.

Когда тонер кончился, образ начал таять — сначала змей, потом девочка, потом небо из проводов. Оливер поднял руки, и дымка рассеялась окончательно, оставив после себя только запах озона и горелой бумаги.

Тишина.

Потом старик с тростью заплодировал. Один. Медленно, тяжело, словно каждый хлопок стоил ему усилий. К нему присоединилась женщина с ребёнком. Потом учитель. Потом парень с горящими глазами.

— Спасибо, Кейн, — сказал учитель. — Мы мы не знаем, как вас благодарить.

— Не надо благодарить, — ответил Оливер, убирая машинку в рюкзак. — Просто помните. Когда смотрите на Постамент, помните, что там — ложь. А здесь, пусть и на минуту, была правда.

Он хотел добавить что-то ещё, но не успел.

Вдали, где-то со стороны Акрополя, раздался вой сирены. Не комендантской — другой, более высокой, более резкой. Сирены Корректоров.

— Уходите, — сказал Оливер, застёгивая рюкзак. — Быстро.

Зрители рассыпались кто куда, исчезая в лабиринте ржавых качелей и битых фонтанов. Учитель ушёл первым, уводя женщину с ребёнком. Парень с горящими глазами задержался на секунду, посмотрел на Оливера, хотел что-то сказать, но передумал и растворился в темноте.

Остался только старик с тростью.

— Ты рискуешь, парень, — сказал он. — Каждый раз, когда выходишь сюда, ты рискуешь.

— Знаю, — ответил Оливер.

— Знаешь ли? — старик покачал головой. — Твой отец тоже рисковал. И посмотри, чем это кончилось.

Оливер замер.

— Вы знали моего отца?

Старик не ответил. Он развернулся и медленно побрёл прочь, опираясь на трость, пока его силуэт не растаял в сером мареве.

Оливер смотрел ему вслед, сжимая лямки рюкзака. В груди росло странное, тревожное чувство — смесь страха и надежды.

Он повернулся и пошёл домой, стараясь держаться теней.

Дома он запер дверь на два замка, задёрнул шторы и сел за стол.

Рюкзак с «Ундервудом» стоял у ног. Картридж был пуст — последние капли тонера ушли на девочку и змея. Завтра нужно будет красть снова. И послезавтра. И всегда.

Он достал из кармана потрёпанную фотографию — единственную, что у него осталась. На ней был отец, молодой, улыбающийся, стоящий на фоне какой-то машины, похожей на печатный станок, только в десять раз больше. Оливер тогда не понял, что это за машина. Теперь догадывался.

«Сердце Системы», — прошептал он, глядя на фото. — Ты говорил, что оно существует. Я не верил. А теперь теперь я не знаю, чему верить.

Он положил фотографию на стол и закрыл глаза.

Перед внутренним взором снова возникла проекция — девочка, змей, небо из проводов. Но теперь образ был другим. В нём появился отец. Стоящий рядом с девочкой, держащий её за руку. Улыбающийся той же улыбкой, что на фото.

«Я найду тебя, — подумал Оливер. — Где бы ты ни был. Живой или мёртвый. Я найду тебя».

Он не знал, что эта клятва приведёт его в самые недра Города, к встрече с тем, кого боялись даже Корректоры. Не знал, что его «Ундервуд» станет не только инструментом для создания иллюзий, но и оружием. Не знал, что цена правды — это его собственная жизнь.

Но если бы знал — всё равно пошёл бы.

ГЛАВА 4. Призрачная Семья

Он вернулся домой затемно, хотя в Городе никогда не было по-настоящему темно — только серо, только уныло, только одинаково. Багровое зарево заводов подсвечивало горизонт, как предвестник вечного пожара, который никто не тушил, потому что никто не помнил, когда он начался.

Оливер поднялся по лестнице, стараясь ступать тихо. Сосед дядя Миша курил на площадке третьего этажа, глядя в никуда. Увидел Оливера, кивнул, выпустил клуб дыма.

— Поздно гуляешь, Кейн.

— Работа, — коротко ответил Оливер.

— Работа, — эхом повторил дядя Миша и больше ничего не сказал.

Оливер прошёл мимо, чувствуя на спине его тяжёлый, недоверчивый взгляд. В этом районе все смотрели друг на друга так, будто каждый мог оказаться агентом. Потому что каждый мог им оказаться.

Он дважды запер дверь. Задёрнул шторы — плотные, старые, отцовские. Достал из рюкзака «Ундервуд», поставил на стол. Проверил картридж. Пуст.

Тогда он полез под половицу.

Там, в тайнике, который отец выдолбил ещё до его рождения, лежали три полных картриджа. Последние. Неприкосновенный запас на случай, если завтра в шахте не будет «Снов» или если Корректоры нагрянут с проверкой и нужно будет заметать следы.

Оливер взял один. Подержал в ладони, ощущая тяжесть и холод металла. Тонер внутри тихо переливался — серый, маслянистый, живой.

«Это для них», — сказал он себе. — «Не для меня».

Он вставил картридж в машинку.

Клавиши чуть заметно засветились — слабым серым свечением, едва различимым в полутьме. Оливер закрыл глаза. В груди заныло — привычная боль, с которой он научился жить, но которая никогда не проходила до конца. Она сидела где-то под рёбрами, сворачиваясь в тугую, горячий ком, когда он думал о них.

Об Анне.

О дочери.

О том, чего никогда не было.

Он открыл глаза и начал печатать.

Сначала возникла кухня.

Старая, тесная, с треснувшей плиткой на стенах и вечно капающим краном. Оливер помнил каждую деталь — не потому, что кухня была реальной, а потому, что он сам создал её, выстучал на клавишах, выпроецировал из тонера и собственной памяти. Запах супа — капустного, дешёвого, но такого тёплого. Скрип половиц под ногами. Стук ножа по доске.

Потом возникла Анна.

Она стояла у плиты, повернувшись к нему спиной, и напевала что-то под нос — старую мелодию, которую Оливер слышал когда-то в детстве, до того, как музыка стала вне закона. Её волосы были собраны в небрежный пучок, из которого выбивались непослушные пряди. Она была в старом, выцветшем халате, который помнил лучшие времена.

— Ты сегодня поздно, — сказала она, не оборачиваясь.

Голос был её — низкий, чуть хриловатый, с той особенной интонацией, которую Оливер не мог забыть, даже если бы захотел.

— Работа, — ответил он, как всегда.

— У тебя всегда работа, — она обернулась и улыбнулась.

Эта улыбка была его личным адом и его личным раем одновременно. Он знал, что она ненастоящая. Знал, что каждый раз, когда он видит её, он крадёт у Города то, что ему не принадлежит. Знал, что рано или поздно его поймут.

Но в эти минуты он не думал о последствиях. Он просто смотрел на неё и верил, что она настоящая.

— Папа! Папа пришёл!

Дочь выскочила из комнаты, чуть не сбив с ног табуретку. Ей было семь — всегда семь, потому что Оливер не мог представить её старше. Он не знал, как бы она выглядела в восемь, в девять, в десять. Он знал только эту — с двумя смешными хвостиками, веснушками на носу и вечно разбитыми коленками.

Она бросилась к нему, обхватила руками за шею, прижалась щекой к его щеке.

Оливер почувствовал тепло. Настоящее, живое тепло — хотя знал, что это иллюзия, что проекция не может греть, что он обнимает пустоту.

— Ты обещал помочь мне с уроками, — сказала дочь, отстраняясь. — По литературе. Учительница сказала, что я должна прочитать стихотворение, а я не могу выбрать.

— Какие стихи? — спросил Оливер, хотя знал, что в Городе нет стихов. Их запретили двадцать лет назад, сразу после Великой Чистки.

— Те, что ты мне читал, — ответила дочь. — Про океан. И про журавлика.

Оливер сглотнул комок в горле.

— Садись, — сказал он. — Я помогу.

Они сели за стол. Анна поставила перед ними тарелки с супом — дымящимся, навари-стым, пахнущим укропом и любовью. Дочь взяла ложку, но не ела — смотрела на Оливера широко открытыми глазами, в которых отражался свет керосиновой лампы.

— Расскажи про океан, — попросила она. — Пожалуйста.

Оливер закрыл глаза.

Он не был в океане никогда. Он родился в Городе, вырос в Городе, работал в Городе. Вода, которую он видел, была чёрной, маслянистой, пахнущей мазутом. Но отец показывал ему другой океан — настоящий, синий, бескрайний, с волнами, которые пахли солью и свободой.

— Океан, — начал Оливер, — это место, где небо встречается с землёй. Там нет стен. Нет крыш. Только вода и горизонт. И чайки — белые птицы, которые кричат так громко, что их слышно за километры.

— А ты там был? — спросила дочь.

— Нет, — честно ответил Оливер. — Но мой отец — твой дедушка — был. Он рассказывал мне.

— Я хочу увидеть океан, — сказала дочь.

— Когда-нибудь, — пообещал Оливер. — Когда-нибудь ты его увидишь.

Он знал, что это ложь. Дочь никогда не увидит океан, потому что дочери не существует. Но ложь была красивой. А в мире, где правда стоила слишком дорого, красота была единственной валютой, которую Оливер мог себе позволить.

Они ужинали, болтали, смеялись.

Анна рассказывала о том, как сходила на рынок и купила новые нитки — синие, настоящие, а не серые. Дочь хвасталась, что нарисовала журавлика и повесила его на стену в комнате. Оливер слушал и улыбался, хотя внутри всё сжималось от боли.

Потому что он знал: через час, когда кончится тонер, они исчезнут. Анна растает в воздухе, оставив после себя только запах озона. Дочь растворится, как утренний туман. Суп остынет. Стол опустеет.

И он снова останется один в серой, пустой комнате, с машинкой и разбитым сердцем.

Это был его личный ритуал. Его наказание. Его искупление.

Он крал тонер, чтобы создать их. Он создавал их, чтобы потерять. Он терял их, чтобы сходить с ума от тоски. И сходил с ума, чтобы украсть новый тонер.

Замкнутый круг. Колесо Сансары для бедных.

— Папа, почему ты грустный? — спросила дочь, заметив, как дрогнули его губы.

— Я не грустный, — ответил Оливер. — Я просто устал.

— Ложись спать, — сказала Анна, погладив его по руке. — Мы посидим с тобой.

Он лёг на кровать, не раздеваясь. Анна села рядом — полупрозрачная, холодная, неведомая. Её рука легла ему на плечо, и он почти почувствовал тепло. Почти.

Дочь прижалась к нему с другой стороны, свернувшись калачиком, как котёнок.

— Ты будешь здесь, когда я проснусь? — спросил он.

— Всегда, — ответила Анна.

Это была ложь. Но Оливер закрыл глаза и поверил.

Стук в дверь раздался через час.

Оливер не слышал его сразу — он был где-то между сном и явью, в той зыбкой, тёплой пустоте, где Анна и дочь были настоящими. Но стук повторился. Громче. Настойчивее.

— Кейн! Открой!

Голос был грубым, казённым. Не соседским. Не дружеским.

Оливер открыл глаза.

Проекция дрогнула. Дочь посмотрела на него с испугом — её лицо начало расплываться, как чернила на мокрой бумаге.

— Не бойся, — прошептал он.

— Кейн, полиция Порядка! Откройте дверь!

Анна встала, заслоняя собой дочь. Её лицо было спокойным, но в глазах застыл страх — тот самый, который Оливер видел у неё в последний раз, семь лет назад, в родильной палате, когда врач сказал, что ребёнок не выживет.

— Не открывай, — прошептала она.

— Я должен, — ответил Оливер.

Он сел на кровати, посмотрел на дочь. На Анну. На суп, который уже остыл. На журавлика, висевшего на стене.

Потом он с силой ударил по клавише «Пробел».

Проекция взорвалась миллиардом чёрно-белых пикселей и исчезла. Анна растаяла. Дочь растворилась. Суп, журавлик, тепло — всё исчезло в одно мгновение, оставив после себя только запах озона и горелой бумаги.

В комнате снова были только он, голый стол, старая кровать и скрип мыслей в голове.

Стук в дверь не умолкал.

Оливер встал, поправил одежду, сунул пустой картридж в карман. Подошёл к двери. На секунду замер, прижавшись лбом к холодному металлу.

— Что вам нужно? — спросил он.

— Проверка документов, — ответили с той стороны. — Открывайте.

Оливер глубоко вздохнул и повернул ручку.

На пороге стояли двое.

ГЛАВА 5. Обвал

На пороге стояли двое.

Первый был в форме Корректора — чёрный комбинезон, нашивки с ключом на воротнике, прозрачный щиток на лице, за которым угадывались чужие, равнодушные глаза. Он держал руку на кобуре — не угрожающе, а привычно, как держат зонт в дождливый день.

Второй был в штатском — длинное серое пальто, серебряные нашивки на воротнике, лицо, которое нельзя было назвать старым — скорее изношенным, как инструмент, использовавшийся слишком долго и слишком интенсивно. Глубокие морщины, седина на висках, глаза — усталые, но цепкие.

— Оливер Кейн? — спросил штатский. Голос низкий, спокойный, почти вежливый.

— Да, — ответил Оливер. Сердце колотилось где-то в горле, но голос не дрожал. Он научился этому за десять лет.

— Агент Северант Хольт, Управление Порядка, — штатский показал жетон — серебряный ключ на чёрном фоне. — У нас есть несколько вопросов к вам. Можем войти?

— У меня нет выбора? — спросил Оливер.

Хольт посмотрел на него — долго, внимательно, как смотрят на закрытую дверь, за которой может быть что угодно.

— Выбор есть всегда, Кейн, — сказал он наконец. — Просто не все варианты одинаково приятны.

Оливер шагнул в сторону, пропуская их внутрь.

Комната, и без того тесная, наполнилась чужими телами и чужими запахами — дешёвый табак, оружейная смазка, холодный пот. Корректор сразу направился к окну, задёрнул шторы (хотя они и так были задёрнуты), включил на поясе какой-то прибор — тот загудел, издавая высокий, почти неслышимый звук.

— Глушилка, — пояснил Хольт, заметив взгляд Оливера. — Чтобы никто не подслушал. Соседи у вас любопытные.

— Соседи спят, — сказал Оливер.

— В вашем доме никто не спит, Кейн. В вашем доме все притворяются.

Хольт медленно обошёл комнату, разглядывая стены, стол, кровать. Остановился у подоконника. Посмотрел на «Ундервуд».

— Печатная машинка, — сказал он. — Модель 1921 года. Ваш отец пользовался такой же.

— Это его, — ответил Оливер. — На память.

— На память, — Хольт усмехнулся — криво, без радости, одними уголками губ. — Красивая формулировка. А я слышал, что вы используете её для творчества.

Оливер промолчал.

— Знаете, Кейн, — Хольт повернулся к нему. — В Управлении Порядка любят факты. А факты таковы: в районе Шахтерск уже три месяца действует нелегальный Воображатель. Проекция — бледные, слабые, но, по свидетельствам очевидцев, «правдивые». Это слово, кстати, в наших отчётах встречается всё чаще. И мне интересно: откуда в районе, где официальный уровень Воображения ниже плинтуса, берётся тонер для этих проекций?

— Я не знаю, — сказал Оливер.

— Не знаете, — повторил Хольт. — Хорошо. Тогда ответьте на другой вопрос: где вы были сегодня вечером?

— Дома. Спал.

— Спали, — Хольт кивнул Корректору. Тот достал из кармана небольшой прибор, похожий на компас, и медленно провёл им по комнате. Прибор пискнул, когда оказался рядом со столом.

— Следы тонера, — сказал Корректор. — Свежие.

Оливер похолодел. Он думал, что проветрил комнату. Думал, что запах выветрился. Ошибся.

— Хотите объяснить, Кейн? — спросил Хольт.

— У меня старая машинка, — ответил Оливер, стараясь говорить ровно. — Она течёт. Иногда тонер капает.

— Течёт, — Хольт снова усмехнулся. — Как удобно.

Он подошёл к Оливеру вплотную. Теперь их разделяло меньше метра. Оливер чувствовал запах табака и видела, как блестят глаза Хольта — холодно, безжалостно, но без злобы. Скорее с любопытством.

— Я дам вам совет, Кейн, — сказал Хольт тихо, так, чтобы Корректор не услышал. — Не делайте ничего, что привлечёт внимание. И держитесь подальше от Зброшенного парка.

Он развернулся и вышел. Корректор за ним. Дверь закрылась.

Оливер стоял посреди комнаты, чувствуя, как дрожат руки. Не от страха — от ярости. Они знали. Знали про парк. Знали про выступления. Знали — и не тронули.

Почему?

Он подошёл к окну, отодвинул штору. Внизу, у подъезда, стоял чёрный автомобиль. Хольт уже сидел внутри, и его силуэт за затемнённым стеклом казался частью машины — безликой, механической, нечеловеческой.

Автомобиль уехал.

Оливер опустился на кровать и закрыл глаза. Спать он не мог — в голове крутились вопросы, на которые не было ответов. Кто такой Хольт? Почему он не арестовал его? Что ему нужно?

И главное: откуда он знал про отца?

На следующее утро Оливер проснулся разбитым. Смена начиналась в шесть, но он пришёл на час раньше — хотел проверить, не рылись ли в его ящике. В раздевалке было пусто. Только капало из старого крана и гудел вентилятор под потолком.

Ящик был на месте. Замок цел.

Оливер открыл его, проверил содержимое. Инструменты, лампа, запасные очки. Всё на своих местах. Тайник под половицей — пустые картриджи и один полный, который он не тронул. Всё на месте.

Он выдохнул.

Но облегчение длилось недолго.

Смена началась как обычно. Спуск в клетки, тьма, гул вентиляторов. Марк встретил его на входе в забой, кивнул, но ничего не сказал. Оливер заметил, что напарник избегает смотреть ему в глаза.

— Ты в порядке? — спросил Оливер.

— В полном, — буркнул Марк и взялся за отбойный молоток.

Они работали молча. Только грохот, только пыль, только усталость. Оливер пытался сосредоточиться на жиле, но мысли возвращались к вчерашнему визиту. Хольт. Корректор. Глушилка. «Держитесь подальше от Зброшенного парка».

Они знали. Знали — и не тронули.

Почему?

— Осторожно! — крик Марка прозвучал слишком поздно.

Оливер поднял голову и увидел, как потолок над ними пошёл трещинами. Сначала мелкими, паутинными, потом глубже, шире. Камни посыпались вниз — сначала мелкие, потом крупные, размером с голову.

— Обвал! — закричал кто-то из соседнего забоя.

Оливер бросился в сторону, но споткнулся о кабель и упал. В ушах стоял грохот — камни, земля, металл. Пыль залепила глаза. Он закашлялся, попытался встать.

И тогда увидел Марка.

Старый шахтёр лежал под грудой породы, придавленный по пояс. Его лицо было белым, губы шевелились, но звука не было — только беззвучный крик, который Оливер прочитал по губам: «Помоги».

Оливер подбежал к нему.

— Держись! Я сейчас!

Он попытался оттащить камни, но они были слишком тяжёлыми. Сверху продолжали сыпаться новые. Потолок трещал. Ещё минута — и обрушится всё.

— Уходи, — прохрипел Марк. — Спасайся Я всё равно

— Заткнись! — крикнул Оливер.

Он огляделся. Рядом лежал отбойный молоток — тяжёлый, громоздкий, бесполезный. Инструменты. Кабели. Лопаты. Ничего, что могло бы удержать потолок.

Кроме одного.

Оливер замер.

Рюкзак с «Ундервудом» был при нём. Он всегда носил его с собой — на всякий случай. На случай, если Корректоры нагрянут в комнату и обыщут её, пока он на работе. На случай, если нужно будет срочно бежать.

Он не думал, что машинка понадобится ему здесь, в глубине шахты, под толщей породы.

— Что ты делаешь? — спросил Марк, увидев, как Оливер достаёт «Ундервуд». — Ты ты с ума сошёл? Нас же увидят!

— Никто не увидит, — сказал Оливер. — Все разбежались.

Он поставил машинку на землю, вставил картридж. Пальцы дрожали, но он заставил их успокоиться. Глубокий вдох. Выдох.

— Ты не сможешь, — прошептал Марк. — Это это невозможно.

— Смотри, — ответил Оливер.

И начал печатать.

Он не думал о частоте. Не думал о технике. Не думал о том, что его могут увидеть, поймать, стереть. Он думал только об одном: удержать потолок.

Пальцы летали по клавишам с невиданной скоростью. Он не создавал картинку. Он создавал опору. Реальную, физическую опору.

Из машинки вырвалась чёрно-белая дымка — густая, плотная, почти осязаемая. Она поднялась вверх, к трещинам, и начала застывать, превращаясь в проекцию стальной балки. Балка была бледной, полупрозрачной, дрожала на грани исчезновения — но она держала.

Потолок перестал трещать.

— Тащите его! — крикнул Оливер, и только тогда заметил, что в проходе стоят другие шахтёры. Трое. Пятеро. Они смотрели на него с ужасом и благоговением.

— Тащите! — повторил он.

Они очнулись. Подбежали к Марку, оттащили камни, вытащили его из-под завала. Оливер продолжал печатать, пока последний камень не упал на землю.

Потом он отпустил клавиши.

Проекция исчезла. Потолок снова затрещал, но теперь уже не страшно — обвал прекратился сам собой, исчерпав свой запас.

Оливер стоял на коленях, тяжело дыша. Из носа текла кровь. Пальцы болели. В ушах звенело.

Он поднял голову и увидел лица товарищей. В их глазах был не только шок и благодарность, но и ужас.

Он нарушил главное правило. Он раскрылся.

— Простите, — прошептал он.

Никто не ответил.

ГЛАВА 6. Первый Прорыв

Тишина в забое была оглушительной.

Оливер стоял на коленях, прижимая к груди «Ундервуд», и смотрел на лица товарищей. Пятеро шахтёров. Пятеро свидетелей. Пятеро человек, которые только что видели то, чего не должно было существовать в этом Городе.

— Это это была проекция? — спросил один из них — молодой парень, которого Оливер не знал по имени. Голос его дрожал.

— Стальная балка, — ответил другой, постарше. — Он создал стальную балку. Из ничего.

— Не из ничего, — тихо сказал Оливер. — Из тонера.

— Но балка была настоящей! — вмешался третий. — Я видел! Она держала потолок!

— Она была проекцией, — повторил Оливер. — Просто плотной проекцией.

Он не знал, как объяснить то, что произошло. Он сам не до конца понимал. В тот момент, когда потолок начал рушиться, когда Марк закричал, когда страх и адреналин смешались в один тугой, пульсирующий комок — его пальцы задвигались сами. Не по его воле. Или по воле, но не той, которую он контролировал.

Он вспомнил, что отец когда-то говорил о «частоте пробуждения». 796 ударов в минуту. Ритм, который не просто создаёт образ, а переписывает реальность, встраиваясь прямо в сознание.

Тогда Оливер не поверил. Теперь — поверил.

— Нам нужно уходить, — сказал он, поднимаясь. Ноги дрожали, но он заставил их стоять. — Скоро придут Корректоры. Обвал — это автоматический вызов.

— Мы никому не скажем, — вдруг произнёс старый шахтёр с лицом, изрезанным морщинами. — Клянёмся.

Остальные закивали. Молодой парень перекрестился — не глядя, машинально, как делают, когда боятся.

— Скажете или нет — не важно, — ответил Оливер. — Они узнают. У них есть свои способы.

Он подхватил Марка под руку. Старый шахтёр был бледен, но жив. Нога, кажется, цела. Несколько ушибов, возможно, трещина в ребре — но не смертельно.

— Ты ты зачем это сделал? — прошептал Марк, глядя на Оливера мутными глазами. — Зачем рисковал?

— Потому что ты мой напарник, — ответил Оливер. — Потому что я не мог смотреть, как ты умираешь.

— Дурак, — сказал Марк, и в его голосе впервые за долгое время не было укора. Только усталость и что-то похожее на благодарность.

— Знаю, — ответил Оливер.

Они двинулись к выходу.

Клеть поднялась на поверхность быстрее обычного — аварийный режим. Оливер вышел первым, поддерживая Марка. Остальные шахтёры молча следовали за ними, стараясь не смотреть друг на друга.

Наверху их уже ждали.

Два фургона Корректоров стояли у входа в шахту, их фары резали серый сумрак вечернего Шахтерска. Восемь человек в чёрных комбинезонах, с прозрачными щитками на лицах и «Глушителями» на поясах.

— Кто старший? — спросил один из них, выходя вперёд.

— Я, — ответил Марк, прежде чем Оливер успел открыть рот. — Старший смены. Обвал на третьем участке. Пострадавших нет, кроме меня. Ушибы. Нужен медик.

Корректор посмотрел на Марка, потом на остальных. Его взгляд скользнул по Оливеру — и задержался на секунду дольше, чем следовало.

— А это кто? — спросил он, кивнув в сторону Оливера.

— Забойщик, — ответил Марк. — Кейн. Работает со мной.

— Кейн, — повторил Корректор, будто пробуя слово на вкус. — Знакомая фамилия.

— В городе много Кейнов, — сказал Оливер, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Корректор помолчал. Потом кивнул своим.

— Проверьте их. Всех.

Начался обыск. Шахтёров выстроили в линию, заставили раздеться до пояса, вывернуть карманы. Корректоры ходили вдоль строя, похлопывая по одежде, заглядывая в рюкзаки, переворачивая инструменты.

Оливер стоял и смотрел прямо перед собой.

«Ундервуд» был у него за пазухой, прижатый к животу, прикрытый курткой. Он чувствовал холод металла даже сквозь ткань. Один неосторожный жест — и Корректоры найдут его. Один шорох — и всё кончено.

— У тебя что-то есть? — спросил Корректор, подходя к Оливеру.

— Ничего, — ответил Оливер.

— Тогда почему ты такой бледный?

— Обвал, — сказал Оливер. — Я чуть не погиб.

Корректор усмехнулся — коротко, без веселья.

— Ладно. Иди.

Оливер сделал шаг. Потом другой. Потом третий. Каждый шаг стоил ему невероятных усилий — ноги были ватными, сердце колотилось где-то в горле. Но он шёл. И никто его не остановил.

Он не пошёл домой.

Вместо этого Оливер свернул в переулок, потом в другой, потом в третий — петляя, как заяц, стараясь запутать следы. Через десять минут он был в Зброшеном парке.

Здесь было пусто. Только ржавые качели, битые фонтаны и тишина.

Оливер опустился на землю, прислонился спиной к стене заброшенной будки, где когда-то продавали мороженое. Достал «Ундервуд», поставил перед собой. Картридж был пуст — последние капли тонера ушли на стальную балку.

— Что ты такое? — прошептал он, глядя на машинку. — Отец говорил, что ты — инструмент. Инструмент для творчества. Но сегодня ты спасла жизнь. Сегодня ты была оружием.

Машинка молчала. Клавиши не светились. Тонера не было.

Оливер закрыл глаза и попытался вспомнить то состояние, в котором он находился, когда создавал балку. Адреналин. Страх. Ярость. И — что-то ещё. Что-то, что он не мог объяснить словами.

Частота 796.

Отец говорил, что это предел. Что за ним — безумие. Или смерть. Или — перерождение.

Оливер не знал, что ждёт его за этой чертой. Но он знал, что больше не может прятаться. Сегодня он раскрылся. Сегодня его видели. Сегодня его запомнили.

Завтра за ним придут.

Он должен быть готов.

Вернулся он домой далеко за полночь.

Квартира была пуста — никто не ждал, никто не встревожился. Дядя Миша на лестничной клетке не курил. Соседи спали.

Оливер запер дверь, задвинул засов (которого никогда раньше не было — он установил его сегодня, перед уходом). Проверил тайник под половицей. Картриджи были на месте. Один. Два. Три.

Он взял один, вставил в машинку, но печатать не стал. Сел на кровать, положил руки на колени и закрыл глаза.

Перед внутренним взором снова возникла проекция — не та, что он создавал для других, а та, что жила в его голове. Океан. Бескрайний, синий, пахнущий солью. Волны, разбивающиеся о берег. Чайки, кричащие так громко, что закладывает уши.

Отец стоял на берегу, повернувшись к Оливеру спиной.

— Ты сделал это, сын, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты перешёл черту.

— Я не хотел, — ответил Оливер.

— Никто не хочет, — отец повернулся. Его лицо было спокойным, но в глазах застыла печаль. — Но иногда выбора нет. Ты спас человека. Это стоит многого. Но за это придётся платить.

— Я готов платить, — сказал Оливер.

— Готов ли? — отец покачал головой. — Ты даже не знаешь цену.

Он растаял. Океан исчез. Оливер снова был в своей комнате, с «Ундервудом» на коленях и пустотой в груди.

Он не знал, что ждёт его впереди. Но он знал одно: он больше не будет прятаться.

Завтра он найдёт отца. Или умрёт, пытаясь это сделать.

ГЛАВА 7. Предательство

Следующие два дня прошли как в тумане.

Оливер ходил на работу, делал вид, что ничего не случилось, копал тонер, обменивался ничего не значащими фразами с Марком. Но внутри него всё изменилось. Каждый шорох за спиной заставлял вздрагивать. Каждый взгляд Корректора на улице — сжимать кулаки.

Марк молчал.

Он не заговаривал о случившемся. Не благодарил. Не обвинял. Просто работал — молча, сосредоточенно, будто старался забыть. Но Оливер видел: старый шахтёр избегает смотреть ему в глаза. А когда их взгляды всё же встречались, в глазах Марка плавал страх.

— Ты боишься меня? — спросил Оливер в конце второй смены, когда они остались вдвоём в раздевалке.

Марк помолчал. Потом сказал, не глядя:

— Я боюсь не тебя, парень. Я боюсь за тебя.

— За меня?

— Ты теперь — мишень, — Марк наконец поднял глаза. — Они узнают. Всегда узнают.

У них везде свои люди.

— Ты сказал, что никому не расскажешь, — напомнил Оливер.

— Я — нет, — ответил Марк. — Но другие другие могут.

Он встал, повесил робу на крюк и вышел, не попрощавшись.

Оливер остался один. В раздевалке пахло потом, мазутом и страхом.

Общественная баня находилась в подвале старого жилого блока — тесная, с низкими потолками, вечно текущими трубами и запахом хлорки, который не выветривался даже летом. Сюда ходили все шахтёры района — дешево, сердито и без вопросов.

Оливер пришёл после смены, как делал всегда. Разделся, встал под ледяную струю, закрыл глаза. Вода была холодной — обжигающе холодной, такой, что перехватывало дыхание. Но он привык. Холод помогал думать.

Он думал об отце. О проекции в шахте. О частоте 796. О том, что будет, когда Корректоры узнают правду.

— Оливер Кейн?

Голос раздался сзади — тихий, спокойный, почти дружеский.

Оливер обернулся.

В дверном проёме стоял человек в длинном плаще с капюшоном, надвинутым на лицо. Оливер не видел его черт — только смутный силуэт и блеск глаз в полумраке.

— Кто ты? — спросил Оливер, инстинктивно сжимая кулаки.

— Тот, кто хочет тебе помочь, — ответил незнакомец. — У тебя есть пять минут. Одевайся и выходи. Не бери ничего, кроме машинки.

— Откуда ты знаешь про машинку?

— Все знают, — незнакомец усмехнулся. — После того, что ты сделал в шахте, все знают.

Он исчез так же тихо, как появился.

Оливер стоял под струями воды, и холод вдруг стал не спасительным, а леденящим. Его раскрыли. Кто-то рассказал.

Марк?

Нет. Марк молчал. Но другие другие могли.

Он выключил воду, натянул одежду дрожащими руками, сунул «Ундервуд» в рюкзак и вышел.

Незнакомец ждал его в тёмном переулке за баней. Когда Оливер подошёл, он откинул капюшон.

Под ним оказалось молодое лицо — лет двадцати пяти, с острыми чертами, быстрыми глазами и лёгкой, почти наглой улыбкой. На щеке — свежий шрам, будто от осколка. В руках — небольшая чёрная коробка с антенной.

— Лис, — представился он. — Можно просто Лис.

— Оливер, — ответил Оливер, хотя это было излишне.

— Знаю, — Лис кивнул. — За тобой уже выехали, Кейн. Корректоры. У тебя есть десять минут, чтобы исчезнуть.

— Откуда ты знаешь?

— Слухами земля полнится, — Лис сунул коробку в карман. — Твой напарник, Марк он сдал тебя.

Оливер почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Марк? — переспросил он. — Не может быть. Я же спас ему жизнь.

— Он испугался за свою семью больше, чем был благодарен тебе, — Лис пожал плечами. — Такие, как Марк, всегда выбирают страх. Не обижайся. Это не злоба. Это слабость.

— Он он обещал

— Обещания в нашем мире ничего не стоят, — перебил Лис. — У тебя есть десять минут. Хочешь жить — приходи с машинкой в «Гремящий Котел». Спросишь Москву.

— Что за «Гремящий Котел»?

— Бар. В старом доке, у Северной стены. Найдёшь.

Лис развернулся, собираясь уходить, но на полпути остановился.

— И ещё, Кейн. — Он обернулся. — То, что ты сделал в шахте это было что-то. Я такого не видел никогда. А я много чего видел.

Он исчез в темноте.

Оливер остался один, прижимая к груди рюкзак с машинкой. Десять минут. У него было десять минут, чтобы собрать вещи, попрощаться с прошлым и исчезнуть.

Он побежал.

Домой он ворвался, как ураган. Схватил с подоконника фотографию отца, сунул в карман. Залез под половицу, выгреб все картриджи — три штуки. Закинул в рюкзак запасную одежду, кусок хлеба, флягу с водой.

На всё про всё ушло три минуты.

Он уже стоял на пороге, когда услышал вой сирены.

Не комендантской. Другой — высокой, резкой, режущей уши. Сирены Корректоров.

Оливер выглянул в окно.

Внизу, на улице, уже останавливались два чёрных фургона. Из них высыпали люди в серой форме — восемь человек, с «Глушителями» наперевес. Они блокировали подъезд, перекрыли выходы.

Оливер отступил от окна.

Чёрный ход. Через крышу.

Он выскочил на лестничную клетку, перепрыгивая через три ступеньки, и рванул вверх. Пятый этаж. Шестой. Седьмой. Люк на крышу был заперт на ржавый замок, но Оливер выбил его ударом ноги.

Холодный ветер ударил в лицо.

Крыша была плоской, усеянной антеннами и вентиляционными трубами. Оливер побежал к противоположному краю, перепрыгивая через препятствия. Внизу, на улице, уже гремели шаги Корректоров — они входили в подъезд.

Он спрыгнул на крышу соседнего дома, потом на следующий. Серые, однообразные, одинаковые крыши Шахтерска сливались в бесконечный лабиринт. Он бежал, не разбирая дороги, пока лёгкие не начали гореть огнём.

Позади — всё ещё слышался вой сирен. Но теперь он был дальше. Глуше.

Оливер остановился, согнулся пополам, пытаясь отдышаться.

Он был больше не шахтёром. Не мужем и отцом-призраком. Он был беглецом. Мишенью. И, возможно, единственной надеждой.

Конец Главы 7

Продолжить **Главой 8** («Побег»)?

Стр. 36–40

Он бежал через грязные переулки Шахтерска, и Город просыпался ему навстречу.

Сирены выли теперь с трёх сторон — спереди, сзади и слева. Корректоры перекрывали квартал за кварталом, методично прочёсывая район. Оливер слышал лай собак, топот сапог по асфальту, хриплые команды в переговорные устройства.

Он не знал, сколько их. Десять. Двадцать. Сто. Ему казалось, что весь Город поднялся на его поимку.

Он свернул в проход между двумя гаражами — узкий, воняющий мочой и мазутом. Прижался спиной к холодной стене, пытаясь отдышаться. Лёгкие горели. В боку колело. Рюкзак с «Ундервудом» казался тяжелее обычного.

Из переулка напротив донёсся шум. Оливер замер.

Двое Корректоров. Они шли медленно, проверяя каждый угол, каждую дверь. Их «Глушители» были активированы — Оливер слышал характерный высокий гул, который они издавали. Один из них что-то говорил в рацию — неразборчиво, но тон был напряжённым.

Оливер вжался в стену, стараясь стать частью темноты. Сердце колотилось так громко, что казалось, его стук слышен на всю улицу.

Корректоры прошли мимо.

Не заметили.

Оливер выдохнул — медленно, беззвучно, чтобы не привлечь внимания. Потом двинулся дальше, стараясь ступать как можно тише.

Он понял, что заблудился, когда вышел к тупику.

Трёхметровая кирпичная стена, утыканная битым стеклом. Ни дверей, ни окон, ни лазов. Только глухая, серая кладка и ржавая водосточная труба, которая вела на крышу.

Оливер посмотрел вверх. До крыши было метра четыре. Труба казалась надёжной — по крайней мере, не шаталась. Он повесил рюкзак на плечо, ухватился за трубу и начал карабкаться.

Стекло наверху резало ладони, но он не чувствовал боли — только холод и липкую влажность крови, смешанной с потом. Перевалился через край, упал на крышу, закашлялся.

Сирены всё ещё выли. Но теперь они были где-то внизу, далеко, за стеной домов.

Он поднялся, огляделся.

Крыши Шахтерска расстились перед ним, как серое, бесконечное море. Башни Акрополя виднелись на горизонте — чёрные, угловатые, похожие на пальцы гигантской руки, сжимающей Город в кулаке. Постамент всё ещё горел, транслируя бодрые новости о рекордах добычи тонера.

Оливер посмотрел на свои руки. Ладони были изрезаны, кровь смешалась с угольной пылью, прилипшей к коже. Он вытер их о куртку и двинулся к противоположному краю крыши.

Там был пожарный спуск — старая, ржавая лестница, ведущая вниз, в лабиринт дворов и переулков. Оливер перелез через перила, начал спускаться.

Ступенька. Ещё одна. Ещё.

Лестница закричала, прогнулась под его весом, но выдержала.

Он спрыгнул на землю и оказался в узком проходе между двумя домами. Здесь пахло мусором и кошачьей мочой. Над головой, на верёвках, сушилось чьё-то бельё — серые, выцветшие тряпки, которые казались призраками в предрассветном сумраке.

Оливер двинулся дальше.

Он шёл ещё час — петляя, возвращаясь, путая следы. Пересекал дворы, перелезал через заборы, пробирался через подвалы. Несколько раз ему приходилось прятаться в мусорных баках, когда мимо проезжали патрульные фургоны.

К рассвету он выбился из сил.

Он нашёл заброшенный гараж с оторванной дверью — металлический короб, пахнущий ржавчиной и мазутом. Забрался внутрь, за груды покрышек, и наконец позволил себе выдохнуть.

Тишина.

Только его дыхание и далёкий гул генераторов.

Оливер достал «Ундервуд», поставил перед собой на старую автомобильную покрышку. Клавиши были холодными — такими же холодными, как его пальцы. Он провёл по ним, чувствуя шершавую поверхность.

Картридж был почти пуст. Он вставил новый — один из трёх, которые успел захватить. Клавиши чуть заметно засветились.

Оливер закрыл глаза.

Он не знал, где находится «Гремящий Котел». Не знал, кто такая Москва. Не знал, можно ли ей верить. Но выбора не было. Он не мог вернуться домой. Не мог оставаться в Шахтерске. Единственный путь вёл вперёд — в неизвестность.

Он начал печатать.

Не проекцию — нет. Он печатал тишину. Ту самую, которую когда-то показывал ему отец — тишину без страха, без боли, без вечной, грызущей тревоги.

Проекция получилась слабой, дрожащей, но она работала. Звуки снаружи приглушились. Город отступил.

Оливер откинулся на груды покрышек, положил руки на колени и закрыл глаза.

Всего на минуту. Просто перевести дух.

Он провалился в сон мгновенно, как камень, брошенный в чёрную воду.

Его разбудил скрип.

Оливер открыл глаза — и мгновенно пришёл в себя, схватив «Ундервуд» на изготовку. Сердце колотилось где-то в горле. Пальцы уже лежали на клавишах, готовые печатать.

Из-за покрышек показалась фигура.

Невысокая, худая, в потертом плаще с капюшоном, надвинутым на лицо.

— Успокойся, это я, — прошептал знакомый голос.

Лис.

— Как ты меня нашёл? — спросил Оливер, не убирая рук с клавиш.

— Ты оставил след, — Лис скинул капюшон. Его лицо в предрассветном свете казалось бледным, почти прозрачным. — Не буквальный. Энергетический. После того, что ты сделал в шахте, ты светишься, как маяк.

— Светишься?

— Для тех, кто умеет видеть, — Лис пожал плечами. — Москва меня научила.

— Кто такая Москва?

— Увидишь, — Лис протянул руку. — Вставай. Нам нужно идти. «Гремящий Котел» не ждёт.

Оливер помедлил секунду, глядя на протянутую руку. Потом сунул «Ундервуд» в рюкзак, поднялся и взял Лиса за руку.

Ладонь была тёплой и сухой.

— Пошли, — сказал Лис.

Они вышли из гаража и растворились в сером, утреннем тумане.

Сирены всё ещё выли где-то далеко — но теперь они были сзади, а не спереди. И это было хорошо.

Конец Главы 8

Продолжить **Главой 9** («Гремящий Котел»)?

Стр. 41–45

Они шли через Нижние Доки — самый старый район Города, такой древний, что даже Комитет забыл о его существовании. Здесь трубы текли по стенам зданий, как вены варикозной ноги. Воздух был тяжёлым, влажным, пропитанным запахом гнилой рыбы и мазута. Фонари — те немногие, что ещё горели, — чадили маслом и мигали, будто готовились погаснуть в любой момент.

Лис шёл впереди, уверенно лавируя между ржавыми контейнерами и грудями мусора. Он не оглядывался — знал, что Оливер идёт следом.

— Откуда ты знаешь эти места? — спросил Оливер, когда они свернули в очередной тёмный переулок.

— Здесь я вырос, — ответил Лис без тени ностальгии. — В Доках. Отец был грузчиком, пока его не забрали. Мать умерла, когда мне было десять. С тех пор я сам по себе.

— И как ты выжил?

— Учился, — Лис усмехнулся. — Быстро учился. Кому доверять, кому — нет. Когда бежать, когда — прятаться. И главное — у кого можно украсть еду, чтобы тебя не поймали.

Он остановился перед массивной железной дверью, покрытой слоем ржавчины и старых объявлений.

— Мы на месте.

— Это «Гремящий Котел»? — Оливер с сомнением посмотрел на дверь. Она выглядела как вход в склад, а не в бар.

— А ты ждал вывеску с неонем? — Лис достал из кармана небольшую металлическую пластинку и приложил к двери. Та щёлкнула и бесшумно открылась. — Добро пожаловать в подполье, Кейн.

Внутри было темно и шумно.

Оливер не сразу понял, что этот шум — не гул машин, а человеческие голоса. Много голосов. Они сливались в единый, низкий гул, похожий на жужжание пчелиного роя.

Лис провёл его через узкий коридор, потом через другой, потом вниз по лестнице, ступеньки которой скрипели под ногами, как старые кости. Воздух становился теплее, пахло табаком, потом и чем-то жареным.

Они вошли в зал.

Он был огромным — настолько огромным, что Оливер не мог охватить его взглядом целиком. Ржавые балки под потолком, покрытые паутиной и копотью. Стены из красного кирпича, местами обвалившиеся, местами залатанные досками. Вдоль стен — столы и скамьи, сколоченные из чего попало. На столах — керосиновые лампы, чадающие и коптящие.

И люди.

Десятки людей.

Они сидели за столами, стояли у стен, переговаривались, спорили, смеялись. Некоторые были в рабочей одежде — такой же, как у Оливера. Другие — в потрёпанных пальто и плащах. Третьи — в странных, незнакомых нарядах, которые Оливер никогда не видел в Городе.

И почти у каждого была машинка.

Печатные машинки стояли на столах, лежали на коленях, висели на плечах в самодельных ремнях. Оливер увидел «Ундервуды», «Ремингтоны», «Олимпии» — старые, новые, самодельные, переделанные. Кто-то держал в руках странные устройства, похожие на складные клавиатуры — «Скетчеры», как позже объяснил Лис.

— Это всё Воображатели? — спросил Оливер, не веря своим глазам.

— Не все, — ответил Лис. — Некоторые — просто сочувствующие. Или те, кто потерял кого-то из-за Чистки. Но да, большинство — Воображатели. Добро пожаловать в Сопротивление, Кейн.

Лис провёл его через зал к дальней стене, где в кирпичной кладке была ещё одна дверь — низкая, деревянная, обитая железом. Постучал три раза — коротко, длинно, коротко.

— Войдите, — раздалось изнутри.

Лис толкнул дверь.

Комната за ней была маленькой, заставленной стеллажами с книгами, картами, какими-то схемами. В центре стоял стол, заваленный бумагами. Над столом висела карта Города — огромная, детальная, испещрённая пометками и стрелками.

За столом сидела женщина.

Она была невысокой, худой, с пронзительным взглядом и седыми прядями в чёрных волосах. Её лицо нельзя было назвать красивым — слишком резкие черты, слишком глубокие морщины, слишком холодные глаза. Но в нём была сила, которая чувствовалась на расстоянии.

— Москва, — представил Лис. — Это Оливер Кейн.

— Знаю, — женщина не встала. Только кивнула в сторону стула. — Садись, Кейн. Разговор будет долгим.

Оливер сел. Рюкзак с «Ундервудом» он держал на коленях, не выпуская из рук.

— Ты, наверное, хочешь знать, кто я, откуда и почему тебя спасли, — сказала Москва, не спрашивая, а утверждая. — Отвечу по порядку.

Она откинулась на спинку стула, сложила руки на груди.

— Я лидер «Клавишей». Так мы себя называем. Подпольная сеть Воображателей, которые не согласны с тем, как Комитет использует наши способности. Мы прячем людей, переправляем их через границы, снабжаем тоном тех, кто не может его легально получить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.